

От однополярного мира к Группе нуля и далее: политическая экономия мира без сверхдержав

С. Л. Ткаченко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Ткаченко С. Л. От однополярного мира к Группе нуля и далее: политическая экономия мира без сверхдержав // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16. Вып. 3. С. 240–254. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.303>

Эрозия однополярной системы международных отношений, ускорившаяся в результате бурных событий 2022 г., возвращает экспертов в области международных отношений к обсуждению феномена баланса сил и воплощения его в разнообразных моделях. На протяжении тридцатилетнего периода, следовавшего за окончанием холодной войны (1991–2021), система межгосударственных связей прошла через периоды, когда оптимальными виделись однополярная, двухполярная и многополярная модели. В данной статье, основанной на выступлении автора на пленарном заседании КИМО-2022, предложена политико-экономическая интерпретация последствий, с которыми государства — члены мирового сообщества столкнутся на новом этапе трансформации современной архитектуры международных отношений XXI столетия посредством механизма баланса сил. Тенденция сокращения государственной мощи по сравнению с нараставшим экономическим могуществом рыночных институтов и структур бизнеса в современную эпоху сменилась обратной тенденцией. Она характеризуется «возвращением государства» на фоне переживающей кризис глобальной системы. Отсутствие в новой системе государства-гегемона ведет к разрушению основ международного либерального порядка, формированию децентрализованной системы альянсов государств, росту числа и масштабов экономических конфликтов, выражающихся как в формировании региональных торговых союзов, так и в расширении практики применения экономических санкций как субститута вооруженных конфликтов прошлого. Новую эру в политико-экономическом развитии планеты, в которой на место сверхдержав прошлого придут новые акторы, следует охарактеризовать как период конкурентной взаимозависимости. И ближайшие годы покажут, что одержит верх — превозносимая представителями реалистической школы теории международных отношений конкуренция, т. е. межстрановое/межблоковое соперничество, или же поднимаемая на щит либералами взаимозависимость.

Ключевые слова: баланс сил, международная политическая экономия, многополярность, БРИКС, Большая двойка, Группа нуля.

Введение

Баланс сил как свод убеждений и практических рекомендаций, определяющих характер отношений между государствами в региональном или ином формате, является одним из ключевых понятий науки международных отношений. Отдельные элементы теории и практики баланса сил изучаются политической наукой с тех вре-

мен, когда международные отношения еще не оформились в отдельную сферу исследований. На протяжении веков в роли региональных гегемонов выступали крупные державы в разных уголках планеты — Персидская империя, Римская империя, Арабский халифат, Монгольская империя и т. д. В своем нынешнем виде концепция баланса сил и ее воплощение в форме однополярности или многополярности — закономерное следствие перипетий европейской истории последних нескольких столетий. Баланс сил стал основополагающим элементом реалистической школы теории международных отношений, привлекая к себе внимание ученых на всех этапах ее становления, начиная с Фукидида и Сунь Цзы и заканчивая современными учеными — Мартином Уайтом [1], Джоном Мершаймером [2] и Кеннетом Уолтсом [3].

Именно Европа в Новое время оказалась главным полигоном планеты, где вопросы теории и практики балансирования интересов и реальных потенциалов крупных держав привлекали первостепенное внимание как теоретиков, так и практиков. Европа еще 500 лет назад мало чем выделялась среди других регионов планеты. Она многие века оставалась территорией, разделенной на сотни политико-административных единиц, ей были свойственны низкий уровень жизни, повсеместное недоедание, эпидемии, относительно низкая степень развития транспортной сети и невысокий уровень развития науки.

Все почти в одночасье изменилось на рубеже XV и XVI вв. Американский социолог и политолог Джек Голстоун в монографии «Почему Европа?» пишет о «загадочном возвышении Европы» после 1750 г. [4]. А британский историк Ниал Фергюсон выдвинул любопытную гипотезу о том, что взлет Европы начался в XVI столетии и стал возможным вследствие того, что в ее государствах, проснувшихся после долгого периода «темных веков» (V–XI столетия), была изобретена и реализована на практике комбинация революционных для той эпохи шести институтов, ценностных идей и поведенческих моделей:

1. *Конкуренции* как следствия фрагментации внутри политических элит и деловых кругов.

2. *Науки*, поскольку с XVII и до второй половины XIX столетия все крупнейшие открытия в математике, астрономии, физике, химии и биологии были сделаны европейскими учеными.

3. *Права собственности*, в том числе создания полномасштабной системы защиты интересов собственников представительными органами власти, формировавшейся при самом активном участии нарождавшегося в Новое время частного бизнеса.

4. *Медицины*, сочетавшей научные исследования и их практическое применение в повышавших свое благосостояние среднем классе и других слоях населения.

5. *Потребительского общества*, основанного на массовом фабричном производстве и поддерживавшем его спросе, что делало выпуск продукции крупномасштабным, а цены на нее — низкими.

6. *Трудовой этики*, основанной на сочетании экстенсивного и интенсивного труда, а также на высокой норме сбережений как основе для накопления капиталов [5].

К шести институтам и поведенческим моделям Н. Фергюсона, по нашему мнению, следует добавить еще два фактора, сыгравшие существенную роль в обретении Европой позиций тотального доминирования в мире: 1) постоянное совершенство-

вание европейцами вооружений на основе новейших достижений фундаментальной и прикладной науки [6]; 2) неизвестную за пределами Европы степень жестокости, с которой как крупные, так и небольшие государства Европы создавали колонии, уничтожали проживавшее там местное население и эксплуатировали человеческие, а также природные ресурсы: Британия в Индии, Франция в Индокитае, Германия в Юго-Западной Африке, Бельгия в Конго, Голландия в Ост-Индии [7].

То есть именно суверенные государства Европы в эпоху Нового времени создали качественно новую среду, восприимчивую к управленческим, научным и бизнес-экспериментам. Это открыло прежде отсталому региону путь к доминированию в общепланетарном масштабе. Механизм баланса сил поддерживался на высшем политическом уровне всеми государствами — участниками возникшего по итогам Венского конгресса в 1815 г. консервативного Священного союза. Инновационный для своей эпохи механизм регулирования отношений в рамках региональной системы способствовал тому, что единожды признанные суверенными, государства Европы сохраняли свою правосубъектность на протяжении столетий, лишь иногда объединяясь в более крупные образования. Таким путем, например, развивались в XIX столетии прежде раздробленные Германия и Италия. В указанных политико-экономических процессах мы находим истоки современной версии модели баланса сил. Ориентированная в момент возникновения на значительный круг субъектов европейской региональной системы, модель баланса сил позднее распространилась на весь мир, пережила вместе с ним две мировые войны, периоды двухполярности (СССР — США) на начальном этапе холодной войны, мирное возвышение Европейского союза и Китая в 1980-е годы, а также короткий «однополярный момент» попытки гегемонии США (1990–2000-е), вступивший сейчас в период острого кризиса.

Целью настоящей статьи является попытка структуризации политико-экономических отношений на глобальном уровне, прежде всего в рамках взаимодействия великих держав — членов СБ ООН и БРИКС. По нашему мнению, движущей силой трансформации глобальной политико-экономической системы является постепенное замещение принципов и норм либерального международного порядка ценностями и практическими рекомендациями, заимствованными из реалистической школы теории международных отношений. Прежде всего речь идет о приоритетном внимании великих держав вопросам суверенитета, защиты национальных интересов и стремлении использовать механизмы баланса сил для нейтрализации потенциально опасных процессов на глобальном уровне. При проведении исследования мы опираемся на методы ретроспективного исторического анализа применительно к изучению современных международных политико-экономических процессов.

Задачи исследования:

- 1) выявить диалектический характер взаимосвязей между гегемонистской структурой глобального управления и утверждением норм либеральной экономики;
- 2) охарактеризовать функционирование системы баланса сил в отношениях великих держав в нынешнем столетии;
- 3) на примере конфликта высокотехнологических отраслей экономики США и Китая спрогнозировать развитие новых форм межгосударственного соперничества в период разрушения основ глобальной экономики и декаплинга.

Гегемония и либеральная экономика: диалектика взаимосвязи

Даже когда в 1914 г. Европа совершила «коллективное самоубийство», начав Первую мировую войну, за которой с небольшим перерывом последовала также затронувшая Европу Вторая мировая война, институциональные основы европейской модели господства в мировых делах не были разрушены. Они выжили и получили новую прописку по другую сторону Атлантики, в США. Переход от Pax Britannica к Pax Americana с точки зрения отношений старого и нового гегемонов (Великобритании и США) оказался мягким, поскольку по сути в европоцентричной (атлантической) политэкономической модели общепланетарной гегемонии он существенно ничего не изменил.

О том, что американское военное, технологическое и экономическое превосходство не может продолжаться бесконечно, эксперты писали еще в тот период, когда оно находилось на подъеме. Доказавшие свою эффективность институты и практики, обеспечившие Европе в XVIII–XIX вв. лидерство в мировых делах, на протяжении XX столетия копировались и совершенствовались в разных уголках планеты, лишив Западную Европу и США монополии на их практическое применение. Первые признаки кризиса американского лидерства проявились в начале 1970-х годов в виде краха Бреттон-Вудской системы, череды экономических и энергетических кризисов, а позднее лишь усиливались. Роберт Кохейн в своей книге «После гегемонии» представил либеральную версию событий, которые должны произойти после того, как американская гегемония выдохнется [8]. Он уповал на развитие международных режимов, но не в качестве неполноценных субститутов мирового правительства эпохи глобализации. Р.Кохейн видел миссию режимов в налаживании и поддержании децентрализованного сотрудничества между эгоистическими и рациональными акторами в лице государств и транснациональных компаний [9]. Такое объяснение отчасти отвечало реалиям 1990-х годов, когда в силу уникальных обстоятельств возник однополярный мир. Но оно перестало соответствовать действительности при первых же испытаниях в виде вернувшейся в мировую политику России, экономического роста Китая, длящейся десятилетиями стагнации экономики Японии, а также провалов вторжений вооруженных сил США в Афганистан, Ирак и ряд других государств.

Осознавая угрозу американоцентричному миру со стороны Китая, президент Барак Обама и госсекретарь Хиллари Клинтон выступили в 2009 г. с проектом создания Большой двойки (Группы двух, G2) как неформального объединения США и Китая [10]. Целью Двойки должно было стать углубление стратегического взаимодействия и партнерства двух стран для осуществления ими глобального управления и определения направлений развития мировой экономики. Следует отдать должное китайской дипломатии и лидерам этой страны — вероломный и довольно бесхитрый план Вашингтона по установлению поначалу мягкого и частичного, а с течением времени полного контроля над китайской внешней политикой был разгадан очень быстро. Пекин не пожелал стать младшим партнером Вашингтона, не поддался на его явную провокацию, объясняя свои действия тем, что Китай — это лишь развивающаяся страна, поэтому ему слишком рано думать о какой-то глобальной миссии.

Отражением нарастающей неспособности США сохранить однополярную структуру управления глобальной экономикой и военное превосходство над потенциальными оппонентами стала предложенная президентом Eurasia Group

Ианом Бреммером и профессором Нью-Йоркского университета Нуриэлом Рубини метафора Группы нуля (G-Zero). Ею два видных эксперта охарактеризовали мир, в котором отсутствует порядок и возвращается гоббсовская «вражда всех против всех», где ни одна страна или группа стран не имеет политических и экономических рычагов воздействия на весь спектр проблем, возникающих в международной повестке дня [11]. Метафора Группы нуля была адресована либеральной общественности Глобального Севера, но даже ей не внушила тревоги и не испугала, хотя явно на это была нацелена. А для сторонников реалистической школы международных отношений она стала открытым признанием того, что однополярный мир (либеральный международный порядок) осыпается и сохранить его уже не получится. Представители школы неореализма в теории международных отношений, рассматривавшие международную анархию в качестве главной качественной характеристики системы межгосударственных отношений, с удовлетворением убедились в правоте своих взглядов на новом историческом этапе.

Теперь обратимся к современной архитектуре международных отношений, названной в Ежегодном докладе Клуба Валдай — 2022 г. «Миром без сверхдержав» [12]. В годы холодной войны СССР и США выполняли ряд функций, обеспечивавших военную безопасность своих сфер влияния, а также создававших благоприятные условия для экономического развития союзных держав. Несомненное лидерство Москвы и Вашингтона в своих сферах влияния обеспечивало стабильность и порядок в масштабах, требовавшихся для решения задач послевоенного восстановления и быстрого социально-экономического развития [13, с. 70–97]. Противостояние двух сверхдержав начиная с конца 1950-х годов стало носить тотальный характер вследствие того, что СССР и США были готовы предложить любому государству в самых отдаленных уголках планеты оригинальные модели развития. При этом главным отличием двух моделей было то, что американская опиралась на либеральную и конкурентную экономическую систему, а советская — на плановую экономику и приоритетное развитие государственного сектора.

Согласно теории гегемонистской стабильности, сформулированной Ч.Киндлбергером, либеральная международная экономика требует существования державы-гегемона [14]. Данная теория исходит из убеждения, что гегемонистская структура власти во главе со страной-лидером является наиболее эффективным средством создания и функционирования сильных международных режимов с жесткими правилами поведения, соблюдаемыми всеми акторами системы.

Миссия гегемона реализуется посредством внедрения в международную экономику общественно значимых благ (public goods), что может быть сделано при условии выполнения ряда функций. Теория утверждает, что лидер должен:

- 1) содействовать либерализации торговли товарами;
- 2) быть способным противодействовать экономическим циклам и оказывать долгосрочную финансовую помощь странам, оказавшимся в кризисе;
- 3) обеспечивать относительную стабильность валютных курсов;
- 4) координировать макроэкономическую политику стран системы;
- 5) выступать в качестве кредитора последней инстанции в периоды острых финансовых кризисов, когда ни частные инвесторы, ни международные финансовые институты в устойчивость переживающей потрясения национальной экономики не верят.

Один из основных постулатов теории гегемонистской стабильности гласит: либеральный международный экономический порядок не может утвердиться и эффективно функционировать в рамках всей планеты, если страна, выполняющая указанные выше функции, отсутствует на международной арене. Страна-лидер, конечно, должна быть привержена либеральным экономическим ценностям, поскольку именно они делают ее претензии на глобальное лидерство максимально легитимными в глазах младших партнеров-сателлитов. Если же государство-гегемон от провозглашенных ценностей отказывается, тогда неизбежно возникнет система, состоящая из нескольких конкурирующих держав (империй), использующих военную силу, меры экономического и дипломатического давления на более слабые государства для разрушения либерального фундамента мировой экономики. Таким образом, основные характеристики мира, описываемого теорией гегемонистской стабильности, могут быть конкретизированы в следующих терминах: гегемония, либеральная идеология и общие интересы государства-лидера и ведомых им стран.

Рассматриваемая теория, основанная на постулатах реалистической школы международных отношений, направлена на оправдание гегемонии США в Западном мире. Эмпирическая база, на основе которой развивается система аргументации в поддержку общемирового лидерства США в период начиная с 1930-х годов, включает в себя данные экономической статистики и дипломатической истории, подтверждающие негативные последствия Великой депрессии и кризиса Лиги наций. Найти путь спасения из кризиса межвоенного периода, охватившего период с 1929 по 1939 г., Вашингтон смог только посредством отказа от политики изоляционизма, активного участия в военных действиях в период Второй мировой войны на Тихом океане и в Европе, а затем — путем реализации Плана Маршалла и гарантирования безопасности своих сателлитов в Западной Европе посредством раскрытия над ними своего «ядерного зонтика».

По нашему убеждению, в своих основных утверждениях теория гегемонистской стабильности носит универсальный характер, ее положения могут применяться для анализа любой реализуемой на практике попытки региональной экономической интеграции во главе с государством-лидером. Даже Советский Союз в своей сфере влияния в 1950–1980-е годы достаточно успешно выполнял многие из функций гегемона, указанные Ч. Киндлбергером, хотя и не в тех финансово-экономических масштабах, которые применяли США в отношении подчиненных им государств Западной Европы и Дальнего Востока. Благодаря усилиям Москвы, ее союзники в Восточной Европе, Азии и Латинской Америке достаточно легко пережили энергетический кризис 1970-х годов, создали собственный «общий рынок» и даже вступили на путь валютной интеграции, введя в октябре 1963 г. в оборот «переводной рубль», призванный обслуживать торговые операции в рамках Совета экономической взаимопомощи [15].

Оптимальный с точки зрения экономической науки механизм снижения барьеров в мировой экономике и расширения масштабов рынка до глобальных размеров возникает в процессе того, как держава-гегемон обменивает доступ на свой рынок товаров, услуг и капиталов из других государств на снижение последними таможенных и иных барьеров в торговле. Эффект масштаба здесь действует в максимально возможной степени, усиливая стимулы для инвесторов и компаний ре-

ального сектора к расширению операций и общему росту экономики. Эта модель показала свою эффективность во времена Pax Britannica (первой эпохи глобализации) [16], она также себя неплохо проявила в государствах Глобального севера в период после Второй мировой войны [17, с.19–68].

Теория гегемонистской стабильности Ч. Киндлебергера является убедительной с позиций современной экономической науки, она верно объясняет исторически конкретные причины поиска Вашингтоном форм и географических параметров для своей международной миссии начиная с 1930-х годов. Но являясь политологической по своей исследовательской проблематике, данная теория едва ли вызывает однозначную поддержку специалистов по международным отношениям. Представленная Ч. Киндлбергером политэкономическая модель «либерального лидерства» никогда не была реализована в общемировом масштабе. Она распространялась лишь в тех государствах, которые были готовы обменять часть своего суверенитета на преимущества вхождения в американоцентричную торгово-экономическую систему. Многие эксперты в США и за пределами этого государства не смогли преодолеть искушение рассматривать все, что предпринималось властями в Вашингтоне, как явления универсальные по своей природе, которым присущ глобальный масштаб. Подавляющее большинство представителей школы Международной политической экономии были и остаются сторонниками теории рационального выбора, т. е. они в своих исследованиях исходят из того, что существует значительное сходство в поведении людей и государств в политической жизни с их поведением в экономике. Теоретики рационального выбора зачастую игнорируют идущие внутри государств и влияющие на их внешнеполитическое поведение дебаты, а также на психологические мотивы, определяющие поведение отдельных личностей. Их базовое убеждение состоит в том, что политика государств, как и поведение отдельных людей, основывается на изначально заданных и жестко фиксированных идентичностях, а также интересах [18].

Использование данной теории для анализа межгосударственных отношений на первый взгляд представляется исключительно эффективным. Теория рационального выбора позволяет игнорировать особенности исторического развития отдельных государств, уникальные свойства их культуры. Всех акторов международной политико-экономической системы она рассматривает в качестве участников общей для них игры, развивающейся по единым правилам. Выяснение этих правил, а также перспектив отдельных акторов в данной игре победить или проиграть формирует для таких ученых их исследовательскую повестку. Вера в homo economicus (человека экономического) служила основным мотором развития экономической науки на протяжении предыдущего столетия. Она создала благоприятные условия для многих замечательных открытий, способствовавших формированию глобального рынка и его отдельных сегментов. Но эта вера в абсолютную рациональность поведения экономических агентов также предопределила неспособность исследователей предвидеть поведение государств и отдельных личностей в условиях информационной асимметрии или попыток достижения целей, представляющихся традиционной экономической науке иррациональными (исполнение «исторической миссии», реализация «национальной идеи» и т. д.). Таким образом, если современные экономисты с высокой степенью точности могут рассчитать то, как изменение валютного курса повлияет на динамику экспорта и импорта отдельного

государства, и при этом проигнорировать интересы частного бизнеса, владельцев капитала или наемных рабочих, то в сфере политических отношений такое «рациональное упрощение» практически всегда приводит к ошибочным результатам.

Отмеченное выше в полной мере справедливо для попыток обоснования однополярной архитектуры международных отношений преимуществами (благами) гегемонистской стабильности. У нас есть все основания считать, что у истоков формирования проактивной политико-экономической стратегии США в 1930-е годы не было никакого цельного плана, администрация Ф. Д. Рузвельта действовала реактивно, движимая как краткосрочными государственными интересами, так и попытками частного финансового и промышленного бизнеса США избежать повторения кризиса масштабов Великой депрессии в будущем. Даже в лучшие для Вашингтона времена поднимаемая на щит «гегемонистская стабильность» функционировала при наличии большого числа государств-фрирайдеров (безбилетников), злоупотреблявших благосклонностью гегемона и игнорировавших провозглашенные либеральные правила мировой торговли товарами, услугами и свободного перемещения капиталов. Рассматриваемой системе изначально были свойственны двойные стандарты реализации. В 1950–1980-е годы США настаивали на либеральной внешнеторговой политике, позднее эта тотальная уверенность в силе «невидимой руки рынка» привела к формулированию требований Вашингтонского консенсуса как обязательного элемента стратегии реформ для любого суверенного государства, стремящегося найти свое место в международном разделении труда. Одновременно в рамках своей внутренней политики США и другие государства Глобального Севера все дальше отходили от принципов либерализма, усиливая перераспределительную функцию государственного бюджета, наращивая масштабы государственного сектора экономики, развивая социальные программы, бесплатную медицину и образование. Так либерализм из вопроса внутренней повестки превратился в товар на экспорт, мощное орудие, с помощью которого США получили возможность вмешиваться во внутренние дела практически любого государства планеты.

Баланс сил в XXI в.

Один вывод из теории Ч. Киндлбергера нам представляется выдержавшим проверку временем. Он гласит: альтернативой гегемонистской стабильности является разрушительная по своей природе многополярность, выражающаяся в экономической конкуренции крупных держав и ориентирующихся на них сателлитов. Гипотеза о том, что на смену суверенным государствам придут региональные объединения, представляется сегодня для политической науки тривиальной, об этом написаны тысячи книг и статей. Разброс мнений и оценок в них достаточно велик, при этом большинство ученых в качестве преобладающей формы акторов нового типа видят интеграционные объединения, ориентирующиеся на модель Европейского союза. Как красноречиво показывает история ЕС после кризиса 2008 г., в новом мире без сверхдержав строительство интеграционных союзов с наднациональными структурами становится невозможным [19]. Вместо сетевых структур, триумф которых провозглашали приверженцы доктрины глобализации [20], в мировую политико-экономическую систему возвращаются иерархические структу-

ры, формируемые великими державами новой эпохи, приходящими на смену двум сверхдержавам эпохи холодной войны, а также «однополярному моменту» 1990-х годов [21].

Эти великие державы с высокой степенью вероятности смогут на региональном уровне выполнять функции провайдеров гегемонистской стабильности — обменивать доступ на свои рынки на снижение торговых барьеров ориентирующимися на них государствами, терпеливо относиться к фрирайдерству наиболее лояльных союзников, рассматривая его как своеобразную плату за военно-дипломатическую покорность. Интеграционные процессы, включающие создание наднациональных институтов, общие парламенты и единую внешнюю политику, за пределами Европы вызывают сегодня полное непонимание и отторжение. В формирующихся региональных альянсах интеграционная повестка не выйдет за рамки зон свободной торговли, а место доминировавших после 1945 г. межправительственных организаций займут форумы и *ad hoc*-соглашения. Великим державам современности в ближайшие десятилетия придется научиться договариваться едва ли не по каждому спорному вопросу, не полагаясь более ни на нормы международного права, ни на виртуальный «порядок, основанный на правилах», изобретенный в Вашингтоне, но так никогда и не заработавший в полную силу. Соблюдать такие ситуативные договоренности будет сложно вследствие отсутствия действующих интеграционных структур и при снижающейся вере в способность международного права обеспечивать глобальный мир и порядок. Но альтернативой такому зыбкому мироустройству выступают лишь постоянные межгосударственные (межблоковые) конфликты, которые все чаще будут применяться как в экономической сфере (санкции), так и в военной области (войны «по доверенности» и прямые трансграничные вооруженные столкновения).

В современных условиях попытки сохранить однополярную модель выглядят откровенно утопичными. Ни одному государству не под силу выполнить названные выше функции глобального лидера-гегемона: ни переживающим упадок США, ни замедляющему свой рост Китаю, ни лишённому международной правосубъектности форуму БРИКС [22, р. 466]. Поэтому высокая степень экономической либерализации 1990–2000-х годов сегодня возможна лишь в более компактных параметрах региональных объединений «не интеграционного» типа. Именно в их рамках будет развиваться мировая политико-экономическая система в новую эпоху без сверхдержав, в условиях нарастающего соперничества за рынки и ресурсы.

Было бы неверно предполагать, что вместо прежней однополярной системы с единственным гегемоном возникнет такая многополярная структура, в которой местные мини-гегемоны и их расположенные по соседству страны-сателлиты будут в региональном масштабе воспроизводить архитектуру отношений, существовавшую в рамках *Pax Americana*. Возникающий мир будет устроен существенно более сложным образом [23]. Возвращение суверенного государства в нем будет соседствовать с институтами и практиками эпохи глобализации, защитниками которых будут выступать как институты рынка, так и структуры гражданского общества. На примере нынешней войны за лидирующие позиции в производстве чипов между США и их оппонентами мы можем увидеть в миниатюре, как национальные интересы и глобальные институты будут взаимодействовать [24].

Выступая 13 апреля 2022 г. в американском аналитическом центре «Атлантический совет», министр финансов США Дж. Йеллен объявила, что отныне приоритетом для ее страны станет не только традиционная «свободная торговля», но еще и «безопасная торговля», которая призвана помочь защитить Вашингтон и его союзников от угроз геополитических противников [25]. Механизм отделения друзей от противников Дж. Йеллен охарактеризовала новым термином “friend-shoring”, понимая под ним ограничение круга партнеров по разработке, производству, распределению и потреблению высокотехнологической продукции только союзниками, лояльными интересам США.

Практическому решению обозначенной Дж. Йеллен задачи посвящен обсуждавшийся на протяжении почти полутора лет и подписанный Дж. Байденом 9 августа 2022 г. федеральный «Закон о чипах и науке» (CHIPS and Science Act) [26]. С точки зрения экономической безопасности США закон принят своевременно. Согласно недавнему отчету Semiconductor Industry Association и Boston Consulting Group, доля США в общемировом производстве полупроводников сократилась с 37 % в 1990 г. до 12 % в настоящее время [27, р. 31]. За этот же период доля Китая в производстве микросхем выросла с нуля до 24 %. Эксперты указанных компаний пришли к выводу, что гипотетическая альтернатива нынешней глобальной цепочке поставок полупроводников параллельными, полностью «самодостаточными» местными цепочками поставок в отдельных регионах планеты (для удовлетворения сегодняшнего уровня потребления полупроводников, например, в Европе, Китае, странах БРИКС), потребует около 1 трлн долл. США дополнительных инвестиций. По оценке SIA и BCG, это приведет к общему росту цен на полупроводники на 35–65 %. Именно такова глобальная цена декаплинга американской и китайской экономик в производстве чипов. Подписав «Закон о чипах и науке», администрация Дж. Байдена продемонстрировала готовность заплатить свою долю.

Согласно «Закону о чипах и науке», американским компаниям запрещено сотрудничать с китайскими в сфере ИКТ, гражданам США предписано в обязательном порядке уволиться из работающих на китайском рынке международных технологических компаний. Искусственное нагнетание Вашингтоном конфликта вокруг Тайваня заставляет тайваньскую компанию TSMC, крупнейшего в мире производителя наиболее современных чипов, а также ряд других азиатских компаний развернуть строительство своих заводов и исследовательских лабораторий по производству микроэлектроники в Калифорнии, Аризоне и других штатах США. С высокой степенью вероятности конфликт из-за производства чипов станет первым этапом экономической войны, по итогам которой правила поведения в мире без сверхдержав будут окончательно сформулированы. Сегодня на стороне США в данном конфликте открыто выступают государства Европейского союза, а также Тайвань, Япония и Южная Корея. А позицию Китая с разной степенью откровенности разделяют Россия, государства — участники ШОС, а также некоторые страны — участницы БРИКС. На наших глазах формируются новые инструменты, с помощью которых будет регулироваться баланс сил в нынешнем столетии.

Заключение

На место пропагандистской и интеллектуально бесплодной метафоре Группы нуля сегодня приходит новая реальность, формируемая политико-экономическими процессами, развивающимися параллельно в различных уголках планеты.

Выскажем предположение, что в исследовательской повестке нового «мира без сверхдержав» станут актуальными следующие темы.

Как государства-лидеры смогут обеспечивать лояльность младших партнеров без использования военной силы и чрезмерного применения санкций? Провал «санкционного цунами», которому подверглась Российская Федерация весной 2022 г. показывает ограниченность экономических санкций как эффективного инструмента давления, способного заставить суверенные государства менять свою политику. Нет сомнений в том, что поиск новых инструментов принуждения продолжится, и он будет охватывать области, далекие от торговли, инвестиций и транснациональных цепочек добавленной стоимости.

Какие экономические функции должны будут выполнять региональные лидеры-гегемоны помимо снижения барьеров в торговле товарами и услугами, а также либерализации движения капиталов и людей? Будут ли это, например, вопросы валютной стабильности и координации макроэкономической политики? Растущая популярность концепции «Пекинского консенсуса», иначе именуемого «Китайской моделью», основана на уважительном отношении к национальным традициям и ценностям, на поиске баланса между эволюционным развитием и экспериментаторством, а также на беспрекословном уважении государственного суверенитета. В рамках, ограниченных этими феноменами (сохранение традиций, поддержка экспериментов и уважение к суверенитету), и будет формироваться инструментарий, доступный региональным государствам-лидерам в их усилиях по формированию новой архитектуры мировой политико-экономической системы.

Могут ли государства-лидеры сформировать своего рода «высший совет» планетарного масштаба, в рамках которого они могли бы обсуждать вопросы, не имеющие решения на региональном уровне (экология, пандемии, миграция, беженцы, наркотики и т.д.)? Прагматические соображения, связанные со стремлением сократить транзакционные издержки при нейтрализации общепланетарных угроз, побуждают нас предположить, что усилия по формированию некоего «высшего совета» будут предприняты, и в ряде сфер они принесут положительные результаты. Но очевидная неэффективность коллегиального принятия решений по вопросам глобальной повестки, особенно по вопросам международной безопасности, демонстрировавшаяся Советом безопасности ООН на протяжении почти 80 лет своей истории, позволяет предположить, что приоритетное внимание в новом форуме будет уделяться техническим вопросам, не ограничивающим государственный суверенитет.

Какое место в новой политэкономической архитектуре планеты будут занимать не присоединившиеся ни к одному из полюсов государства? Очевидно, что существует немало стран, не желающих растворять свой суверенитет даже в мягких формах доминирования, которые могут использовать нынешние и будущие региональные гегемоны. Будут ли эти нейтральные державы париями, отброшенными на обочину мировой системы, или же они станут главными бенефициарами новой

многополярной политико-экономической структуры, выступая в роли посредников между центрами новой архитектуры международных отношений?

Полвека назад, когда школа Международной политической экономии только утверждалась как часть науки международных отношений, ученым потребовалось достаточно долгое время для того, чтобы вписать институты рынка в изучаемые процессы. Кейсами, рассмотрение которых оформило МПЭ как важный сегмент изучения теории и практики международных отношений, стали крах Бреттонвудской системы, стагфляция 1970-х годов, потрясения на нефтяных рынках, вызванные Войной Судного дня (6–23 октября 1973 г.). Сейчас перед исследователями стоит обратная задача — вернуть государство в исследовательскую повестку МПЭ в качестве ведущего актора переживающей кризис глобальной системы, а не спойлера, как это видят либералы.

Как назвать эту новую эру в политико-экономическом развитии мира без сверхдержав? Считаем, что современную эпоху можно охарактеризовать как период конкурентной взаимозависимости. И ближайшие годы покажут, что одержит верх — превозносимая реалистами конкуренция, т.е. межстрановое соперничество, или же поднимаемая на щит либералами взаимозависимость.

Литература

1. Wight, M. (1978), *Power Politics*, Harmondsworth: Penguin Books.
2. Mearsheimer, J. J. (2014), *Tragedy of Great Power Politics*, New York: W. W. Norton and Co.
3. Waltz, K. N. (1959), *Man, the State and War*, New York: Columbia University Press.
4. Голдстоун, Дж. (2014), *Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850*, М.: Изд-во Института Гайдара.
5. Ferguson, N. (2011), *Civilization: The West and the Rest*, Penguin Books.
6. Kelly, J. (2004), *Gunpowder: Alchemy, Bombards, & Pyrotechnics: The History of the Explosive that Changed the World*, New York: Basic Books.
7. Walter, D. (2017), *Colonial Violence: European Empires and the Use of Force*, London: Hurst Publishers.
8. Keohane, R. (1984), *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*, Princeton: Princeton University Press.
9. Strange, S. (1989), *States and Markets: Introduction to International Political Economy*, London: Pinter Publishers.
10. Bush, R. C. (2011), *The United States and China: A G-2 in the Making? Brookings Institution, October 11*. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-united-states-and-china-a-g-2-in-the-making> (дата обращения: 15.11.2022).
11. Bremmer, I. and Roubini, N. (2011), A G-Zero World. The New Economic Club Will Produce Conflict, Not Cooperation, *Foreign Affairs*, March/April, p. 2–7.
12. Барабанов, О., Бордачёв, Т., Лисоволик, Я., Лукьянов, Ф., Сушенцов, А. и Тимофеев, И. (2022), *Мир без сверхдержав*, М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2022.
13. Ткаченко, С. Л. (2021), *Политическая экономия развития и становление институтов демократии*, СПб.: Издательство СПбГЭУ.
14. Kindleberger, C. (1975), *The World in Depression 1929–1939*, Berkeley: University of California Press.
15. Бажан, А. (2019), Переводной рубль и расчеты между странами ЕАЭС, *Современная Европа*, № 6, с. 117–126.
16. Marchildon, G. P. (1995), From Pax Britannica to Pax Americana and Beyond, *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 538, no. 1, pp. 151–168.
17. Минкова, К. В. (2021), *Экономические истоки Холодной войны: советско-американские отношения в 1943–1947 гг.*, СПб.: СКИФИЯ-Принт.
18. Хиршман, А. О. (2012), *Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа*, М.: Изд-во Института Гайдара.

19. Búrca, G. de. (2018), Is EU Supranational Governance a Challenge to Liberal Constitutionalism?, *The University of Chicago Law Review*, vol. 85, no. 2, pp. 337–368.
20. Castells, M. (2009), *The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture*, 2nd ed., London: Wiley-Blackwell.
21. Tkachenko, S. L. (2020), BRICS and Development Alternatives: Russia and China, in: Bianchini, S. and Fiori, A. (eds), *Rekindling the Strong State in Russia and China: Domestic Dynamics and Foreign Policy Projections*, Leiden, Boston: Brill, pp. 271–297.
22. De Robertis, A. G. and Tkachenko, S. (2021), The crisis of the “Liberal International Order” and the challenges from China and Russia, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, т. 13, вып. 4, с. 465–477. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.403>
23. Bordachev, T. (2022), *Europe, Russia and the Liberal World Order: International Relations after the Cold War*, London: Routledge.
24. Tkachenko, S., Zhiglinskaya Wyrsh, N. and Zheng, C. (2022), Technology platform competition between the United States and China: Decoupling and sanctions against Huawei, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, т. 14, вып. 4, с. 378–392. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.401>
25. US Department of the Treasury (2022), *Remarks by Secretary of the Treasury Janet L. Yellen on Way Forward for the Global Economy*, April 13. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0714> (дата обращения: 10.12.2022).
26. *CHIPS and Science Act. H. R. 4346. PUBLIC LAW 117–167—AUG.9, 2022. 117th Congress*. URL: <https://www.congress.gov/bill/117thcongress/house-bill/4346/text> (дата обращения: 16.12.2022).
27. Varas, A., Varadarajan, R., Goodrich, J. and Yinug, F. (2021), *BCG and SIA report “Strengthening the Global Semiconductor Supply Chain in an Uncertain Era*. URL: https://www.semiconductors.org/wp-content/uploads/2021/05/BCG-x-SIA-Strengthening-the-Global-Semiconductor-Value-Chain-April-2021_1.pdf (дата обращения: 22.01.2023).

Статья поступила в редакцию 5 мая 2023 г.;
рекомендована к печати 15 июня 2023 г.

Контактная информация:

Ткаченко Станислав Леонидович — д-р экон. наук, проф.; s.tkachenko@spbu.ru

From unipolarity to G-Zero and beyond: Political economy of the world without superpowers

S. L. Tkachenko

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Tkachenko S. L. From unipolarity to G-Zero and beyond: Political economy of the world without superpowers. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2023, vol. 16, issue 3, pp. 240–254. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.303> (In Russian)

The erosion of the unipolar system of international relations, accelerated as a result of the turbulent events of 2022, is returning experts in the field of international relations to discuss the phenomenon of the balance of power and its embodiment in various models. During the thirty-year period, following the end of the Cold War (1991–2021), the system of interstate relations went through periods when unipolar, bipolar and multipolar models were considered optimal. This article, based on the author’s address at the plenary session of the First Saint-Petersburg Congress of International Studies, proposes a political and economic interpretation of the consequences that the member states of the world community will face at a new stage in the transformation of the modern architecture of international relations in the 21st century through the mechanism of the balance of power. The trend of reducing state power in

comparison with the growing economic power of market institutions and business structures in the modern era has been replaced by a reverse trend. It is characterized by the “return of the state” against the backdrop of a global system in crisis. The absence of a hegemonic state in the new system leads to the destruction of the foundations of the international liberal order, the formation of a decentralized system of alliances of states, an increase in the number and scale of economic conflicts, expressed both in the formation of regional trade blocks and in the expansion of the practice of applying economic sanctions as a substitute for armed conflicts of the past. A new era in the political and economic development of the planet, in which new actors will replace the superpowers of the past, should be characterized as a period of competitive interdependence. The coming years will show what will prevail — competition, extolled by representatives of the realistic school of the theory of international relations, i. e. inter-country/inter-bloc rivalry, or interdependence raised to the shield by the liberals.

Keywords: balance of power, international political economy, multipolarity, BRICS, G2, G-Zero.

References

1. Wight, M. (1978), *Power Politics*, Harmondsworth: Penguin Books.
2. Mearsheimer, J. J. (2014), *Tragedy of Great Power Politics*, New York: W. W. Norton and Co.
3. Waltz, K. N. (1959), *Man, the State and War*, New York: Columbia University Press.
4. Goldstone, G. (2014), *Why Europe? Rise of the West in World History, 1500–1850*. Moscow: Gaidar's Institute Publishing House. (In Russian)
5. Ferguson, N. (2011), *Civilization: The West and the Rest*, Penguin Books.
6. Kelly, J. (2004), *Gunpowder: Alchemy, Bombards, & Pyrotechnics: The History of the Explosive that Changed the World*, New York: Basic Books.
7. Walter, D. (2017), *Colonial Violence: European Empires and the Use of Force*, London: Hurst Publishers.
8. Keohane, R. (1984), *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
9. Strange, S. (1989), *States and Markets: Introduction to International Political Economy*, London: Pinter Publishers.
10. Bush, R. C. (2011), The United States and China: A G-2 in the Making? Brookings Institution, October 11. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/the-united-states-and-china-a-g-2-in-the-making> (accessed: 15.11.2022).
11. Bremmer, I. and Roubini, N. (2011), A G-Zero World. The New Economic Club Will Produce Conflict, Not Cooperation, *Foreign Affairs*, March/April, pp. 2–7.
12. Barabanov, O., Bordachev, T., Lisovolik, Ya., Lukyanov, F., Sushentsov, A. and Timofeev, I. (2022), *World without Superpowers*, Moscow: Foundation for Development and Support of the Valdai International Discussion. (In Russian)
13. Tkachenko, S. (2021), *Political Economy of Development and Formation of Institutions of Democracy*, St Petersburg: Publishing House of SPbSEU. (In Russian)
14. Kindleberger, C. (1975), *The World in Depression 1929–1939*, Berkeley: University of California Press.
15. Bazhan, A. (2019), Transferable Ruble and Transactions between the EUEA member-states, *Sovremennaya Evropa*, no. 6, pp. 117–126. (In Russian)
16. Marchildon, G. P. (1995), From Pax Britannica to Pax Americana and Beyond, *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 538, no. 1, pp. 151–168.
17. Minkova, K. V. (2021), *Economic Foundations of the Cold War: Soviet-American Relations in 1943–1947*, St Petersburg: SKIFIA-Print Publ. (In Russian)
18. Hirshman, A. O. (2012), *Passions and Interests: Political Arguments in Favor of Capitalism and Its Triumph*, Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ. (In Russian)
19. Búrca, G. de. (2018), Is EU Supranational Governance a Challenge to Liberal Constitutionalism?, *The University of Chicago Law Review*, vol. 85, no. 2, pp. 337–368.
20. Castells, M. (2009), *The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture*, 2nd ed., London: Wiley-Blackwell.
21. Tkachenko, S. L. (2020), BRICS and Development Alternatives: Russia and China, in: Bianchini, S. and Fiori, A. (eds), *Rekindling the Strong State in Russia and China: Domestic Dynamics and Foreign Policy Projections*, Leiden, Boston: Brill, pp. 271–297.

22. De Robertis, A. G. and Tkachenko, S. (2021), The crisis of the “Liberal International Order” and the challenges from China and Russia, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 13, iss. 4, pp. 465–477. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.403>
23. Bordachev, T. (2022), *Europe, Russia and the Liberal World Order: International Relations after the Cold War*, London: Routledge.
24. Tkachenko, S., Zhiglinskaya Wyrsh, N. and Zheng, C. (2022), Technology platform competition between the United States and China: Decoupling and sanctions against Huawei, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 14, iss. 4, pp. 378–392. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.401>
25. .S Department of the Treasury (2022), *Remarks by Secretary of the Treasury Janet L. Yellen on Way Forward for the Global Economy*, April 13. Available at: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0714> (accessed: 10.12.2022).
26. *CHIPS and Science Act. H. R. 4346. PUBLIC LAW 117–167—AUG.9, 2022. 117th Congress*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117thcongress/house-bill/4346/text> (accessed: 16.12.2022).
27. Varas, A., Varadarajan, R., Goodrich, J. and Yinug, F. (2021), *BCG and SIA report “Strengthening the Global Semiconductor Supply Chain in an Uncertain Era*. Available at: https://www.semiconductors.org/wp-content/uploads/2021/05/BCG-x-SIA-Strengthening-the-Global-Semiconductor-Value-Chain-April-2021_1.pdf (accessed: 22.01.2023).

Received: May 5, 2023
Accepted: June 15, 2023

Author’s information:

Stanislav L. Tkachenko — Dr. Sci. in Economics, Professor; s.tkachenko@spbu.ru